

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ИНСТИНКТ РАЗРЫВА

Как поймать чудовище в классе, используя лишь лист бумаги

С чего все началось

Стоял октябрь 1995 года, и я еще понятия не имел, что тем вечером после занятий начну битву с глобальными заблуждениями, которая станет делом всей моей жизни.

— Каков уровень детской смертности в Саудовской Аравии? Не поднимайте руки. Просто отвечайте.

Я раздал копии таблиц 1 и 5 из ежегодника ЮНИСЕФ. Таблицы казались скучными, но я был взволнован.

— Тридцать пять, — хором ответили студенты.

— Да. Тридцать пять. Верно. Это значит, что тридцать пять детей из тысячи рожденных живыми умирает до достижения пятилетнего возраста. Какова эта цифра в Малайзии?

— Четырнадцать, — сказали студенты.

Они называли числа, которые я записывал зеленой ручкой на пластиковой пленке для проектора.

— Четырнадцать, — повторил я. — Меньше, чем в Саудовской Аравии!

Из-за дислексии я ошибся и написал “Майлазия”. Студенты рассмеялись.

— В Бразилии?

— Пятьдесят пять.

— В Танзании?

— Сто семьдесят один.

— Как думаете, почему меня интересует уровень детской смертности? — отложив ручку, спросил я. — Дело *не только* в том, что я люблю детей. Этот показатель, подобно огромному градуснику, измеряет температуру всего общества. Детская жизнь очень хрупка. Детей убивает многое. Если из 1000 детей в Малайзии умирают только 14, это значит, что остальные 986 выживают. Родители и общество оберегают их от всех опасностей, которые могут их убить: микробов, голода, насилия и прочего. Следовательно, цифра 14 говорит нам о том, что большинство семей в Малайзии не голодает, что сточные воды в стране не смешиваются с питьевой водой, что у людей есть свободный доступ к первичному здравоохранению, а матери умеют читать и писать. Она говорит нам не только о здоровье детей. Она измеряет качество жизни всего общества. Интересны не сами цифры, а то, что они говорят нам о жизни в стране. Смотрите, как сильно различаются они в разных странах: 14, 35, 55 и 171. Должно быть, люди в этих странах живут тоже по-разному.

Я снова взял ручку.

— Скажите, какой была жизнь в Саудовской Аравии тридцать пять лет назад? Сколько детей умирало в 1960 году? Посмотрите во второй колонке.

— Двести... сорок два.

Эта цифра поразила студентов: 242.

— Да. Верно. Общество Саудовской Аравии добилось огромного прогресса, не правда ли? Всего за тридцать три года уровень детской смертности упал с 242 до 35 смертей на

тысячу детей. В Швеции прогресс шел гораздо медленнее. Чтобы добиться такого же успеха, нам понадобилось семьдесят семь лет. Как насчет Малайзии? Сегодня этот показатель равняется 14. А каким он был в 1960 году?

— Девяносто три, — пробормотали студенты, продолжая озадаченно изучать таблицы. Годом ранее я приводил студентам те же самые примеры, но таблицы в качестве подтверждения не раздавал, поэтому они отказались верить моим словам об улучшениях по всему миру. Теперь данные были у студентов перед глазами, поэтому они изучали таблицы, пытаясь понять, не обманул ли я их, специально выбрав из ряда вон выходящие страны. У них в голове картина мира была совсем иной.

— Обратите внимание: вы не найдете ни одной страны, где уровень детской смертности повысился, — сказал я. — Дело в том, что мир становится лучше. Теперь давайте прервемся на кофе.

Мегазаблуждение о том, что “мир поделен надвое”

В этой главе описывается первый из десяти наших драматических инстинктов — инстинкт разрыва. Я имею в виду непреодолимый соблазн делить все на свете на две различные, часто конфликтующие группы, между которыми зияет пропасть несправедливости — воображаемый разрыв. Инстинкт разрыва заставляет людей формировать картину мира, где есть два типа стран или два типа людей: богатые и бедные.

Заметить это заблуждение нелегко. Тем октябрьским вечером 1995 года я впервые хорошенько изучил его, когда, выпив кофе, продолжил лекцию, и это пробудило во мне такое любопытство, что с тех пор я не прекращал свою охоту на мегазаблуждения.

Я называю их мегазаблуждениями, потому что они оказывают огромное влияние на наше восприятие мира. Это

первое мегазablуждение хуже всех. Некорректно разделяя мир на две части: богатых и бедных, — люди полностью искажают картину, которая формируется у них в голове.

Охота на первое мегазablуждение

Продолжив лекцию, я объяснил, что самый высокий уровень детской смертности характерен для племенных обществ, живущих в дождевых лесах, а также традиционных крестьянских семей в отдаленных уголках света.

— Об этих людях снимают документальные фильмы. Эти родители сильнее всех стараются прокормить свои семьи, но все равно теряют почти половину детей. К счастью, в таких ужасных условиях живет все меньше людей.

Юный студент, сидящий на первом ряду, поднял руку.

— Они никогда не смогут жить, как мы, — сказал он, склонив голову набок.

Остальные студенты согласно закивали.

Вероятно, он ожидал, что я удивлюсь его словам. Но они не удивили меня ни капли. Я много раз слышал подобные утверждения о “разрыве”. Я не удивился, а обрадовался. Именно на это я и надеялся. Наш диалог продолжился примерно так:

я: Простите, кого именно вы имеете в виду?

он: Людей в других странах.

я: Во всех странах, кроме Швеции?

он: Нет. Я хочу сказать... за пределами западного мира. Там никогда не смогут жить, как мы. У них не получится.

я: Ага! (Словно я наконец понял.) Например, в Японии?

он: Нет, не в Японии. Там живут на западный манер.

я: Тогда в Малайзии? Там ведь живут не на “западный манер”?

он: Нет. В Малайзии все иначе. Я имею в виду все страны, которые еще не перешли на западный образ жизни. Им не стоит этого делать. Впрочем, вы меня понимаете.

я: Нет, не понимаю. Объясните, пожалуйста, подробнее. Вы говорите, что есть “Запад”, а есть “другие страны”, верно?

ОН: Да. Именно так.

я: Считать ли “Западом”... Мексику?

Он не смог мне ответить.

Я не хотел придирааться к его словам, но не стал останавливаться, желая посмотреть, к чему это нас приведет. Считать ли Мексику “Западом” и могут ли мексиканцы жить, как мы? Или же ее следует причислить к “другим странам” и, следовательно, отказать мексиканцам в такой возможности?

— Я запутался, — сказал я. — Сначала вы говорили, что есть “мы” и “они”. Затем сказали, что есть “Запад” и “другие страны”. Мне хочется понять, что вы имеете в виду. Я много раз встречал такие ярлыки, но никогда не понимал, что они значат.

На помощь студенту пришла девушка с третьего ряда. Она вступила в игру, но высказала такую точку зрения, которая меня не на шутку удивила.

— Может быть, сказать следует так: у “нас”, на “Западе”, мало детей, и малая доля детей умирает, а у “них”, в “других странах”, много детей, и много детей умирает, — предположила она, указав на лежащую перед ней таблицу.

Она пыталась разрешить конфликт между представлениями студента и моими данными довольно любопытным образом, предлагая критерий разделения мира. Я ужасно обрадовался. Дело в том, что она была абсолютно не права — и вскоре она это осознала, — но главное, что она была не права определенным образом, а я мог это доказать.

— Прекрасно. Прекрасно. — Я взял ручку и приступил к делу. — Посмотрим, получится ли у нас разделить страны на две группы на основании того, сколько там детей и сколько детей умирает.

Недоверие на лицах студентов сменилось любопытством. Они пытались понять, что меня так обрадовало.

Мне понравилось данное студенткой определение, потому что оно было очень понятным. Мы могли проверить его на соответствие данным. Если вы хотите убедить человека, что он заблуждается, очень полезно будет проверить его мнение на соответствие данным. Так я и поступил.

С тех пор именно этим я и занимаюсь. Большой серый ксерокс, который я использовал для копирования первых таблиц с данными, стал моим первым партнером в борьбе с заблуждениями. К 1998 году у меня появился новый партнер — цветной принтер, который позволил мне делиться со студентами цветными пузырьковыми диаграммами, иллюстрирующими статистику по странам. Затем у меня появились первые партнеры-люди, и дело пошло веселее. Анне и Уле так понравились мои диаграммы и мое стремление развенчивать заблуждения, что они присоединились ко мне и случайно придумали революционно новый способ представления сотен тенденций в качестве анимированных пузырьковых диаграмм. Пузырьковые диаграммы стали нашим любимым оружием в битве с заблуждением о том, что “мир поделен надвое”.

Что плохого в этой картине мира?

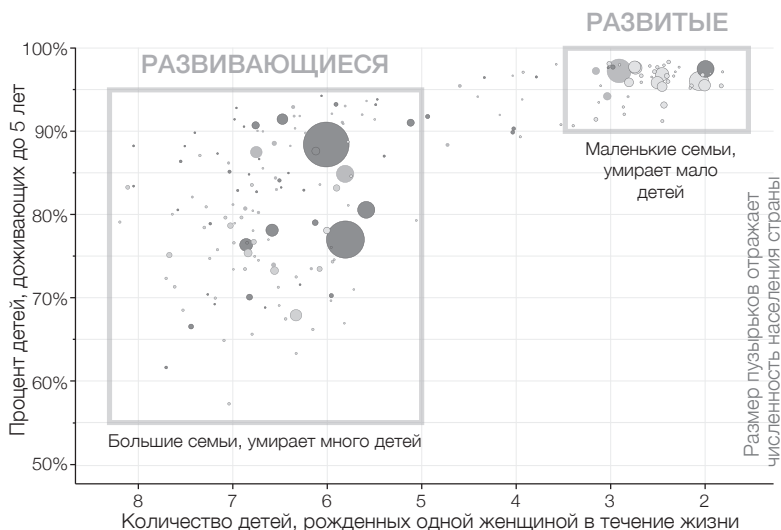
Мои студенты говорили о “них” и “нас”. Другие говорят о “развивающихся” и “развитых” странах. Возможно, вы и сами используете эти ярлыки. Что в этом плохого? Журналисты, политики, активисты, учителя и ученые постоянно их используют.

Называя страны “развивающимися” и “развитыми”, люди, вероятно, подразумевают деление на “бедные” и “богатые”. Я также часто слышу, как “Запад” противопоставляется “другим странам”, “север” — “югу”, а “страны с низким уровнем доходов” — “странам с высокими уровнем доходов”. Названия могут быть любыми. Неважно, какими именно словами

люди пользуются для описания мира, если эти слова создают в их головах соответствующие картины и имеют реальные значения. Но какие картины возникают в головах у людей, когда они используют эти простые термины? И как эти картины соотносятся с реальностью?

Проверим их на соответствие данным. Диаграмма ниже показывает среднее количество детей на одну женщину и уровень выживаемости детей во всех странах.

Каждый пузырек на диаграмме означает страну, а его размер отражает численность ее населения. Самыми крупными пузырьками обозначены Индия и Китай. В левой части диаграммы собраны страны, где женщины рожают много детей, а в правой — страны, где женщины рожают мало детей. Чем выше на диаграмме находится страна, тем выше в ней уровень детской выживаемости. Эта диаграмма — ровно то, что моя студентка с третьего ряда предложила в качестве критерия для деления мира на две части: “мы” и “они”, или “Запад” и “другие страны”. Я использовал для этих групп термины “развитые” и “развивающиеся” страны.

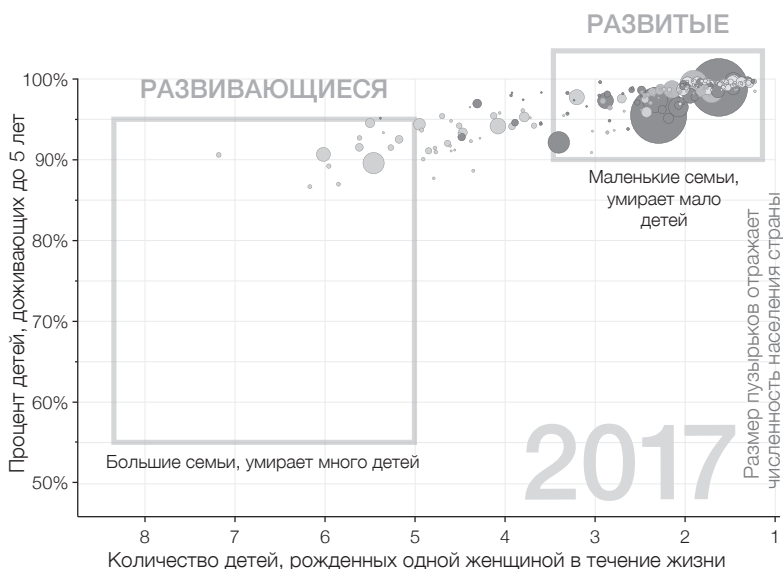
ИСТОЧНИКИ: UN-IGME & UN-PORT, 31

Смотрите, как прекрасно страны мира распределяются по двум категориям: развивающиеся и развитые. Между этими категориями явно виден разрыв, в котором находятся лишь 15 небольших стран (включая Кубу, Ирландию и Сингапур), где живет всего 2 процента населения мира. В категории “развивающихся” стран 125 пузырьков, среди которых есть Китай и Индия. Во всех этих странах женщины в среднем рожают более пяти детей, а детские смерти привычны: выживает менее 95 процентов, а это значит, что более 5 процентов детей умирает, не дожив до пятого дня рождения. В категории “развитых” стран 44 пузырька, включая США и большинство стран Европы. Во всех этих странах женщины в среднем рожают менее 3,5 детей, а уровень детской выживаемости превышает 90 процентов.

Мир делится на две части. Именно такие части и вообразила студентка с третьего ряда. Эта диаграмма наглядно демонстрирует, что все страны мира разделены на две группы, между которыми существует разрыв. Прекрасно. Как прост мир! В чем проблема? Почему же тогда нельзя делить страны на “развитые” и “развивающиеся”? Почему я придрался к студенту, который заговорил о “нас” и о “них”?

Потому что эта диаграмма отражает положение в мире по состоянию на 1965 год! Времена моей молодости. В этом и проблема. Вы бы стали путешествовать по стране, ориентируясь на карту 1965 года? Вы бы разрешили врачу использовать передовые разработки 1965 года, чтобы ставить вам диагноз и определять схему лечения? Приведенная ниже диаграмма показывает, как мир выглядит сегодня.

Мир полностью изменился. Сегодня в подавляющем большинстве стран, включая крупнейшие — Китай и Индию, семьи невелики, а дети умирают редко. Посмотрите в нижний левый угол. Эта категория почти пуста. Страны стремятся попасть в более узкую категорию, где в семьях мало детей и уровень их выживаемости высок. Большинство стран уже в нее попало. Восемьдесят пять процентов населения зем-

ИСТОЧНИКИ: UN-IGME, UN-POP[1, 3] & GAPMINDER[6].

ного шара уже живет в странах, которые раньше называли “развитыми”. Оставшиеся 15 процентов в основном находятся между двумя категориями. В категории “развивающихся” стран остается всего 13 государств, где живет 6 процентов населения Земли. Мир изменился, но картина мира осталась неизменной — по крайней мере, у жителей “Запада”. Представления большинства из нас о мире устарели.

Столь разительные перемены затронули не только размер семей и уровень детской выживаемости. Подобным образом изменились почти все аспекты человеческой жизни. Диаграммы, отражающие уровень доходов, туризма, демократии или доступа к образованию, здравоохранению и электричеству, расскажут ту же историю: мир был поделен надвое, но теперь это не так. Сегодня большинство людей находятся между двумя категориями. Нет никакого разрыва между Западом и другими странами, между развитыми и развивающимися, между богатыми и бедными. И нам пора перестать использо-

вать простые пары категорий, которые предполагают наличие этого разрыва.

Моими студентами были целеустремленные, хорошо информированные молодые люди, которые хотели сделать мир лучше. Меня поразило, что они не знают основополагающих фактов о нем. Я удивился, что они действительно верят в существование двух групп — “мы” и “они” — и утверждают, что “они” не смогут жить, как “мы”. Как вообще получилось, что они руководствовались устаревшими представлениями о мире тридцатилетней давности?

Тем дождливым октябрьским вечером 1995 года я ехал на велосипеде домой, не чувствуя пальцев, и светился от счастья. Мой план сработал. Я принес в класс таблицы с данными и сумел доказать студентам, что мир не поделен надвое. У меня наконец получилось разоблачить их заблуждение. Теперь мне хотелось пойти дальше. Я понял, что должен представить данные еще нагляднее, чтобы более убедительно доказать большему количеству людей, что их мнение ничем не подкреплено, и разрушить иллюзию, будто они знают то, что на самом деле им только кажется.

Двадцать лет спустя я оказался в модной телестудии в Копенгагене. Картина мира, разделенного надвое, стала еще на двадцать лет старше и устарела окончательно. В прямом эфире журналист повернулся ко мне и сказал:

— Мы по-прежнему наблюдаем огромную разницу между немногочисленным богатым миром, в первую очередь старыми странами Запада, и многочисленным остальным миром.

— Но вы абсолютно не правы, — ответил я.

Я снова объяснил, что больше не существует отчетливой группы “бедных развивающихся стран”. Нет никакого разрыва. Сегодня большинство людей, 75 процентов населения мира, живет в странах со средним уровнем доходов. Эти страны не бедны и не богаты — они занимают срединное положение, и уровень жизни в них вполне приемлем. При этом на одном конце шкалы по-прежнему располагаются страны,

большинство населения которых живет в крайней, неприемлемой нищете, а на другом ее конце — богатый мир (Северная Америка, Европа и несколько других стран вроде Японии, Южной Кореи и Сингапура). Но подавляющее большинство уже в середине.

— Но какие у вас основания для таких заявлений? — продолжил журналист, явно пытаясь меня спровоцировать.

И у него получилось. Я не смог сдержать раздражения — мой тон и слова выдали меня с головой.

— Я использую статистику Всемирного банка и Организации Объединенных Наций. Достоверность этих данных не вызывает сомнений. Это неоспоримые факты. Вы ошибаетесь, а я прав.

Охота на зверя

После двадцати лет борьбы с заблуждением о поделенном надвое мире я уже не удивляюсь, снова и снова сталкиваясь с ним. Мои студенты были не одиноки. Не одинок был и датский журналист. Подавляющее большинство людей думает о мире именно так. Если вы сомневаетесь, что так много людей понимает мир неправильно, прекрасно. Подобные утверждения всегда нужно подкреплять доказательствами. И вот это доказательство — в форме двухчастной ловушки для заблуждения.

Сначала мы просили людей описать, какой они представляют жизнь в так называемых странах с низким уровнем доходов, задавая им вопросы наподобие следующих — из теста, предложенного вам во введении.

Вопрос 1

Сколько девочек сегодня оканчивает начальную школу в странах с низким уровнем доходов?

- А. 20 процентов
- Б. 40 процентов
- В. 60 процентов

В среднем лишь 7 процентов человек выбирали правильный ответ — В: 60 процентов девочек оканчивает начальную школу в странах с низким уровнем доходов. (Не забывайте, верный ответ на этот вопрос дали бы 33 процента шимпанзе из зоопарка.) Большинство людей “предполагало”, что таких девочек всего 20 процентов. В мире лишь несколько стран — исключительных случаев вроде Афганистана и Южного Судана, — где начальную школу оканчивает менее 20 процентов девочек, и в этих странах живет не более 2 процентов всех девочек мира.

Когда мы задавали подобные вопросы об ожидаемой продолжительности жизни, недоедании, качестве воды и вакцинации — то есть спрашивали, какой процент населения стран с низким уровнем доходов имеет доступ к базовым атрибутам современной жизни, — результаты получались схожими. Ожидаемая продолжительность жизни в странах с низким уровнем доходов составляет 62 года. Большинство людей не голодает и имеет доступ к очищенной воде, большинство детей вакцинируется, а большинство девочек оканчивает начальную школу. Но лишь небольшой процент людей — гораздо меньше, чем 33 процента шимпанзе, — отвечал на эти вопросы верно, а подавляющее большинство опрошенных выбирало самый плохой из вариантов ответа, даже если в таких ужасных условиях люди живут сегодня только в разгар бедствий или в самых неблагополучных регионах мира.

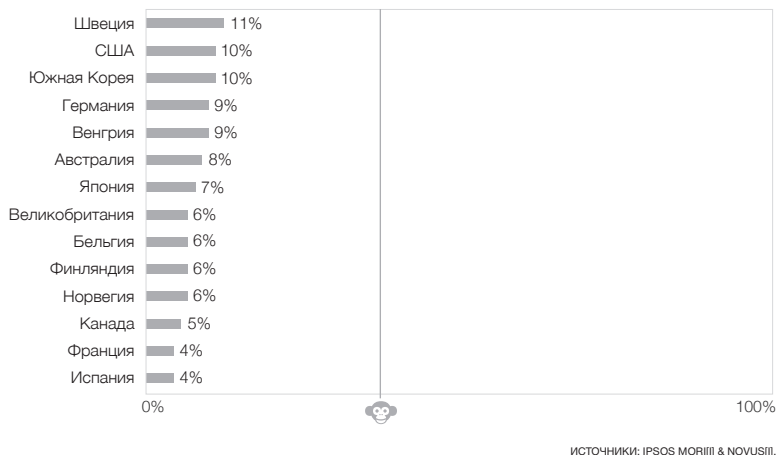
Теперь захлопнем ловушку и поймаем заблуждение. Как мы уже знаем, люди считают, что жизнь в странах с низким уровнем дохода гораздо хуже, чем она есть на самом деле. Но сколько человек, по их мнению, влачит столь жалкое существование? Мы спросили об этом людей в Швеции и США:

Сколько процентов населения Земли живет в странах с низким уровнем доходов?

Большинство называло цифры от 50 процентов и выше. Среднее значение составило 59 процентов.

РЕЗУЛЬТАТЫ ОТВЕТА НА ПЕРВЫЙ ВОПРОС: процент людей, ответивших правильно.

Сколько девочек сегодня оканчивает начальную школу в странах с низким уровнем доходов? (Правильный ответ: 60%.)

На самом деле верный ответ — 9 процентов. Всего 9 процентов населения мира живет в странах с низким уровнем доходов. Не забывайте, мы только что выяснили, что эти страны совсем не так ужасны, как кажется. Они действительно во многих отношениях плохи, но им далеко до Афганистана, Сомали и Центральноафриканской Республики — худших мест для жизни на планете.

Итак, страны с низким уровнем доходов гораздо более развиты, чем считает большинство. И в них живет гораздо меньше людей. Представление о поделенном надвое мире, где большая часть населения влачит жалкое существование, на самом деле иллюзия. Заблуждение. Ошибка.